

Если бы не 1917 год, возможно, мы бы так и не узнали тех людей, которые потом изменяют историю человечества. Не сложись в феврале, а потом в октябре 1917 года сотни фрагментов в единое целое, не исключено, что Российская империя существовала бы и по сей день. Но история не терпит сослагательного наклонения. Нет возможности вернуться назад. И не случайно рассказ о выступлениях Сталина мы начинаем именно с 1917 года. До этого времени Сталин — революционер, ниспровергатель, борец с Русским государством. С 1917-го он, как и многие другие большевики, становится государственным деятелем. И проследить эту эволюцию крайне важно и интересно.

Через всю свою жизнь Сталин пронес уважение к Ленину — своему учителю, человеку, которого он почитал безгранично. Даже когда значительно позже Сталин и восстановил многое из того, что порушил Владимир Ильич, отношение к нему осталось прежним. Сталин никогда плохо не отзывался о своем предшественнике, что выгодно отличает его от Хрущева.

Двадцатые годы — это время революционной романтики и великих карьер. Позже наступит период восстановления. И начнутся горячие дискуссии по поводу того, куда и каким путем идти стране. Двадцатые годы — это время внутрипартийной борьбы, происходящей на фоне начинающихся индустриализации и коллективизации. И это в свою очередь было помножено на разразившийся и все более усиливающийся кризис капиталистической системы.

Тогда казалось, что с высылкой главного троцкиста — самого Льва Троцкого (сначала в Алма-Ату, а в 1929 году и за пределы СССР) — борьба должна закончиться. История рассудила иначе. Впереди были еще более трудные и кровавые времена.

Н. Стариков

Речь на съезде финляндской социал-демократической рабочей партии в Гельсингфорсе¹

14 ноября 1917 г.

Товарищи!

Я делегирован к вам для того, чтобы приветствовать вас от имени рабочей революции в России, в корне расшатывающей основы капиталистического строя. Я приехал к вам для того, чтобы приветствовать ваш съезд от имени рабочего и крестьянского правительства России, от имени Совета Народных Комиссаров, рожденного в огне этой революции.

Но не только для приветствия приехал я к вам. Я хотел бы, прежде всего, передать вам радостную весть о победах русской революции, о дезорганизации ее врагов и о том, что в атмосфере издыхающей империалистической войны шансы революции растут изо дня в день.

Сломлена помещичья кабала, ибо власть в деревне перешла в руки крестьян. Сломлена власть генералов, ибо власть в армии сосредоточена в руках солдат. Обузданы капиталисты, ибо спешно устанавливается рабочий контроль над фабриками, заводами, банками. Вся страна, города и села, тыл и фронт усеяны революционными комитетами рабочих, солдат и крестьян, берущими в свои руки бразды правления.

¹ *Сталин И.* Сочинения. Т. 4. — М.: ГИПЛ, 1951. С. 1–5.
Гельсингфорс — ныне Хельсинки.

Нас пугали Керенским и контрреволюционными генералами, но Керенский изгнан, а генералы осаждены солдатами и казаками, которые также солидарны с требованиями рабочих и крестьян.

Нас пугали голодом, пророчили, что Советская власть погибнет в когтях продовольственной разрухи. Но стоило нам обуздать спекулянтов, стоило нам обратиться к крестьянам, и хлеб стал притекать в города сотнями тысяч пудов.

Нас пугали расстройством государственного аппарата, саботажем чиновников и пр. Мы и сами знали, что новому, социалистическому правительству не удастся взять просто старый, буржуазный государственный аппарат и сделать его своим. Но стоило нам взяться за обновление старого аппарата, за чистку его от антисоциальных элементов, и саботаж стал таять.

Нас пугали «сюрпризами» войны, возможными осложнениями со стороны империалистических клик в связи с нашим предложением о демократическом мире. И, действительно, опасность, опасность смертельная была. Но была она после взятия Эзеля, когда правительство Керенского приготавлилось к бегству в Москву и к сдаче Петрограда, а англо-немецкие империалисты сговаривались о мире за счет России. На почве такого мира империалисты, действительно, могли сорвать дело русской и, может быть, международной революции. Но Октябрьская революция пришла вовремя. Она взяла дело мира в свои собственные руки, она выбила из рук международного империализма самое опасное оружие и тем оградила революцию от смертельной

опасности. Старым волкам империализма осталось одно из двух: либо покориться разгорающемуся во всех странах революционному движению, приняв мир, либо вести дальше борьбу на почве продолжения войны. Но продолжать войну на четвертом году ее, когда весь мир задыхается в когтях войны, когда «предстоящая» зимняя кампания вызывает среди солдат всех стран бурю возмущения, когда грязные тайные договоры уже опубликованы, — продолжать войну при таких условиях — значит обречь себя на явную неудачу. Старые волки империализма на этот раз просчитались. И именно поэтому не пугают нас «сюрпризы» империалистов.

Нас пугали, наконец, развалом России, раздроблением ее на многочисленные независимые государства, при этом намекали на провозглашенное Советом Народных Комиссаров право наций на самоопределение, как на «пагубную ошибку». Но я должен заявить самым категорическим образом, что мы не были бы демократами (я не говорю уже о социализме!), если бы не признали за народами России права свободного самоопределения. Я заявляю, что мы изменили бы социализму, если бы не приняли всех мер для восстановления братского доверия между рабочими Финляндии и России. Но всякому известно, что без решительного признания за финским народом права на свободное самоопределение восстановить такое доверие невозможно. И важно здесь не только словесное, хотя бы и официальное, признание этого права. Важно то, что это словесное признание будет подтверждено Советом Народных Комиссаров на деле, что оно